

Савелий Иванович Кострикин

Зима, как повод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105216

SelfPub; 2021

Аннотация

Зима, как повод... начать все с начала? Изменить мир? Перестать оглядываться на других? У каждого он может быть свой: грустный и позитивный, созидательный и разрушительный, не важно какой – важно лишь то, что пока будет зима, будут и слезы, и любовь, и дружба, то есть все то, что присутствует в каждом человеке.

Содержание

История одного государства	4
Памяти жертв еврейского погрома в Шполе	8
Образ Холокоста – образ Бога	10
Хоронят раввина в местечке	13
Я кажусь себе древним евреем	15
Поют нигун в местечке иудеи	17
Я брожу по пустому Освенциму	19
Петля времени	22
Для чего поэты нам нужны?	24
Рифма пепельного цвета	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Савелий Кострикин

Зима, как повод

История одного государства

Страна та рождалась в бескрайних муках,
Ведь отрицать нам все это – глупо,
Ибо не крест, но звезда Давида
Тогда помогла. И тех дней минувших

Вспомним начала: являя виды
Таких (хоть они и войной избиты)
Мест, в плане жизни, подчас не лучших,
То есть – у моря, и, да – не крупных,

Но и не тех, где тела сжигали
В пепел, что врос навсегда в анналы
Истории, ибо – они безвинны:

От Пастернака и до Бегина,
То есть – свободны (Свобода – это
Мечта, заключенная в глубь поэта)

Сыны лишь Отчизны, гора стояла,

Что называлась тогда – Синаем,
Ибо не миг, но столетий фазы,
Бывшей менорой златого цвета,

Ее заключили. Об этом зная
(Вам поясню – это просто мысль),
Даже и во времена Мофаза,
Те не считали ту гору – Раем

Смыслов. Он есть лишь один там. Боже
Был там. Они на Него похожи,
Также и Он. Все того колена,

Что в нашем мире весьма проблемно
В сфере культуры. Высоких смыслов
Искусств не касаются. Теоремы

Эти запомним: Всегда гонимы
Те, кто удачи проходит мимо
Жизнью. Она – их касалась. То есть -

Они пострадали. Народ их – совесть
Для мира. Мир же им платит дважды,
Но мы, давайте, о них расскажем:

Гор не заменит бригада Гура,

Хоть было утро и грустно (хмурый
Народ опасался). «Знакомый» встречен
Пред Тель – Авивом. Гора. На плечи

Солдат повалился свинец (О «Буре
В пустыне» тогда неизвестно): Пули
Соседей несли их в гетто,
Хоть позабыли они. Об этом

Надо напомнить. Премьер – министр
Им пригрозила. Должно быть, быстро
Они, понимая (но эта точность

Была роковая), что, все ж и (впрочем,
Я не увидел подвоха) «смылись».
Это – победа. От Бога милость

Есть отношение наше. К звездам
Давида идем мы, пока не поздно
Думать о том, что не с нами случилось,
А лишь о вере. Ее случайность

Все же (как рифма у эпигона)
Не обусловлена постоянством
(Вера – замок на границе) мира,
Ибо – не каждый глядит в пространство,

Но только каждый в Христа. Мы знаем
То, что страна та – была Израиль,
А населяют ее – евреи,
Так-как в Него продолжали верить

Духом (но только, должно быть, тайно:
Троица – это кошмар Талмуда),
Даже отвергнув. Он сам когда – то
Слышал, наверное, «ж..д пар...атый!»,

Бывший предметом преступных маний.
А мне пора завершить. Не скрою -
Много писал. Напишу еще я,
Но пока все. Это все сегодня.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Памяти жертв еврейского погрома в Шполе

Но солдаты бегут в темноту:
Убежать не бессмысленно – глупо.
Тот погром в нас вселил тошноту.
Драгомиров с надтреснутой лупой

Изучает доклад. По усам бегут слёзы,
И он повторяет: «Приговор подпишу эти псам!»,
И печатью о стол ударяет.

Трое суток до этого: город,
Погруженный в пучину недели.
Генерал был неопытен, молод,
А погибли опять лишь евреи!

Грудой писем навьюченный мир!
В этот день вся земля изогнулась.
Человек был ослаблен и сир,
И рука его к Богу тянулась!

Но ворвались погромщики и
Прекратился контакт с Небесами:

с болью пишутся эти стихи,
А огонь всё бежит полосами

По домам, синагогам и школам.
Он кричал: «Я безвинная жертва!»,
Но разрушили люди Шполу,
Открывая иные моменты,

И его за собой потащили,
Втоптав в мокрую землю Талмуд.
Их солдаты не защитили,
Но за за ними с проклятьем бегут.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Образ Холокоста – образ Бога

Образ Холокоста – образ Бога,
На кресте распятого за нас.
Тех потомки осудили строго,
Кто пускал планете в Душу газ,

Повинуясь лишь команде «сверху».
Отдалась та плачем матерей,
Принесли что в жертву чуждой смерти
И себя, и маленьких детей.

Жаль, не всех евреи изловили,
Много крови в землю утекло.
Царь Давид псалмы играл на лире,
Ну а пепел – серым был стеклом

Для сосудов с иудейской кровью,
Что теперь разбитые лежат.
Для чего нужна была жестокость?
Ради власти, славы и денегат?

Распинали на кресте железном
Не Мессию, целую страну.
Вспомнить это нам – сейчас полезно,

Пепла отрезая седину

Тел, сожжённых в топках Бухенвальда
За идею мировой войны.

Вы, потомки горделивых скальдов,
Нынче толерантностью пьяны,

Как и ваши южные соседи,
Что идею смерти принесли
В бранный мир и старую беседу
Добрых с злыми, в вечном споре сил.

А теперь – какие разговоры,
Коли нет у вас совсем Души?
Не желаю с подлыми я спорить.
Лучше жизнь – в неведение прожить,

Ведь другие нынче не боятся
Вместо правды – глупость говорить.
В каждом напечатанном абзаце
Злобы той, навеки будет нить,

Что врывалась в польские местечки,
Называя каждого – «жидом».
Лучше потерять бы вам дар речи,
Чем в Аду покаяться потом.

Подменить вам логику – не сложно.
Глупый только это не поймёт.
Ты прости, их, о, великий Боже,
Что Тебя распяли и Народ.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Хоронят раввина в местечке

Хоронят раввина в местечке,
За гробом – плывет борода.
И дар Божьей письменной речи
Все чаще уходит туда,

Откуда умерший был родом:
В могучие горы Карпат.
Проходят слова мимоходом
В то место, где Души стоят.

Не место, местечко, а все же -
О чем там толкуют они?
Зачем наказал ты их, Боже?
Кому ты отдал эти дни?

Вопрос мой – теряется в лицах,
Ермолках и мудрых словах,
А солнце – куда-то садится,
Молитву прочтя впопыхах.

Подняться бы мне над Литином,
На крыльях влететь бы в Ямполь!
Но прошлое нам – запретили,

Как страшную, жгучую боль.

Сгорела давно синагога,
И идиш не знает никто.
Он умер веселым, и к Богу
Отходит в измятом пальто.

Идут иудеи за гробом
В остатках от лагерных роб.
Он умер, чтоб помнили, чтобы...
А, впрочем – холодный уж лоб,

А, впрочем – котята на крышах
Поют об умершем нигун.
Но голос их – еле нам слышен,
Поскольку – беспечен и юн.

[#Савелий Кострикин](#)

#Сиониды

Я кажусь себе древним евреем

Я кажусь себе древним евреем,
Пережившим не раз Холокост,
Постоянную Планка примерив
На иссёкшийся старый погост.

Скоро мы позабудем, что было
И что будет с судьбою опять,
Нас накроет миазмами дыма,
Не давая Пророка понять.

Это будет не дважды, не трижды,
Но всю жизнь мы вот так проживем,
И все то, что поэзией движет,
Уничтожит отеческий дом.

Дом сгорит не под чьей-то пятою,
А по нашей же глупой вине.
И заплатим за это мы втрое,
Смерть свою приумножив вдвойне.

Будем мы разгребать пепелище,
Ожидая от Бога войны,
Что нас сделает лучше и чище....

Жаль, мы все умирать рождены,

Жаль, не встать нам опять перед Богом,

И, с молитвою Душу прося,

Оказаться над тем же порогом,

Где умершие предки висят.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Поют нигун в местечке иудеи

Поют нигун в местечке иудеи,
Поют о том, что так тревожит их,
И песня эта – песен всех ценнее.
Гулял там ветер, вскоре – он затих.

Затихнет жизнь, откроются границы,
И нет уж их, как не было вовек
На всей земле той огненной Жар – птицы,
Которой счастлив русский человек.

Остались только мы. Вдвоем с тобою,
Пройти нам много в жизни суждено.
Кто знает, что она для нас откроет,
Играя с небом в Божье домино?

Ответа нет. Лишь в древней синагоге
Старик – раввин на шатких стульях спит.
Он сам молчит, и думает о Боге,
А в мыслях старца – идиш да иврит.

И снова странник по степи могучей
С котомкой вдаль уверенно идет.
И снова – дождь, а с ним – и эти тучи,

Что поглотили время и народ.

И снова я присутствую в Подолье

И вижу Бога, небо и тебя.

Как здорово, что жизнь прожить мы вольны,

Творя искусство, веря и любя.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Я брожу по пустому Освенциму

Я брожу по пустому Освенциму,
Освещая дорогу стихом.
Здесь евреи, убитые немцами,
А, вернее – их страшным грехом.

Кто отдал те приказы эсэсовцам?
А кто в Душу дух смерти вложил?
Не история – жуткое месиво
Из костей, черепушек и жил.

Предстоит моему поколению,
Прошлым ужасам глядя в лицо,
Извести до конца патогенные
Формы разума – вирусы слов.

Каждый вирус – причастен к трагедии,
Заражая сознание масс,
Через церковь, учёных, масс – медиа,
Как придуманный Габером газ.

Он – невидим тупым обывателям,
Как невидим им собственный стыд.
Это тоже скажу, обязательно;

За евреев – судьба отомстит.

Я брожу по чернеющим улицам,
По остаткам сгоревших домов.
Мне убитые издали хмурятся,
Каждый крикнуть мне что – то готов,

Каждый лагерь – страна безысходности:
Белоруссия, Польша, Литва.
Вот раввин обезглавленный сгорбился.
Только где же его голова?

Кто ответит – в чём смысл страдания?
Для чего нас Господь в мир послал?
Впереди – возвышается здание,
Старых окон беззубый оскал.

Я вхожу в синагогу волынскую,
Вижу трупы убитых детей.
Стены дышат предсмертными лицами,
Становясь как бы с ними ровней.

Каждый дом – в положеньи родителей,
Потерявших надежду на свет.
Их потомки – его не увидели:
Крематорием лагерь согрет.

Вот таблички: на них нарисованы
Те, кто должен быть роком убит.
Имена и фамилии – новые,
Каждый новый – по крови семит.

Узнаю я Иосифа Бродского,
А вот здесь – Аронзон, Меламед.
Журналисты, актёры, философы.
Хорошо, что минувшего – нет,

Нет во мне отрицанья и скеписа,
Есть лишь боль и живучая грусть.
Я брожу по пустому Освенциму,
За безвинно погибших молюсь.

#Савелий_Кострикин

#Сиониды

Петля времени

Табуретка, с которой читали стихи,
Распадается.

Сон взял свое,
И, быть может,
эти дни перед смертью

Не так уж плохи.

Будем же осторожны.

Теперь же – о сложном:

Белый лист не считается тенью певца,
До тех пор, пока истина ходит по кругу
В комнате. Мы ловим жизнь на живца,
Словно давнюю, милую, в общем – подругу

Или друга (в зависимости от пола),
То есть, собственно говоря – чертим углы эпох,
Превращая пространство новых
Идей в мир, где не умер Бог,
А меж тем распадается на атомы наш целковый,
Средь этой массы липких от тьмы дорог.

Среди тысяч планет не находится то,
Что искали.

Взаправду или всерьез,
Верим мы – что идет
к нам какой – то убогий странник,
Из мира грез,
Но пространной

Кажется жизнь.

А меж тем, из-под наших ног
Табуретка уходит
– ибо сон взял свое
И, быть может, нам поможет
Наш вечный, распятый на веки Бог.

#Савелий_Кострикин

#Порыв_Души

Для чего поэты нам нужны?

Для чего поэты нам нужны?

Для того, наверно, чтобы лжи
Становилось меньше у всех нас,
Хоть запал смертельный не угас

Быть коварным. Ведь, как правда, лжец
На планете нашей – не жилец,
Но, увы, ложь слишком глубока:
С одного движенья кулака

Не добиться. То есть – ничего.
Мы лжеца меняем одного
На другого. А вот Бродский был,
Как Архангел Божий Михаил,

Евтушенко – как Илья Пророк.
Он стихами Родине помог.
Аронзон – апостолом Петром,
Чьи слова ложились серебром

На проблемы и изъяны Душ.
Ты попробуй это все разрушь!
Нет. Не выйдет. Будет правда жить,

Разорвав губительную нить

Средостений заскоружлой лжи.

Пусть она, проклятая, лежит.

Мы ее не тронем. Правда есть.

А тогда – зачем скупая лесть?

Для чего, по сути, нам она?

В мире правды больше не нужна.

А куда податься ей еще?

Этот мир, признаться – обречен,

Если он не справится с грехом,

Что готов разрушить общий дом.

Вот об этом я пишу стихи,

Хоть они, наверное, тихи.

Но они однажды прогремят,

Как угроза или русский мат,

Оглушив сознание людей.

В мире мыслей, строчек и идей,

Для того поэты нам нужны

Чтобы той, ну как ее там? лжи

Становилось меньше у всех нас.

Надо это помнить каждый час.

#Савелий_Кострикин

#Порыв_Души

Рифма пепельного цвета

Разливается лавой строка,
Застывая в неведомой форме:
Словно шерсть постмодерна, легка,
Ведь ее – ничего не испортит.

Под толстенною кожей из букв
Все пульсирует гулкое сердце,
Разрывая сосудистый звук,
Не пытаюсь при этом согреться

Проживанием избранных дней
На начальном этапе, в могиле
Для поэтов, что смерти – лютей,
Хоть о ней мы давно позабыли.

Поднимается строчечный пласт
От давления памяти снизу.
Свет молитв – до сих пор не угас,
Ведь от нас в постоянстве зависит

Тех расплавленных в Боге минут,
Выделяющих соки искусства,
Пузырясь, что на небо идут,

В свете звезд, помогать Иисусу,

Расчертить магматический мир

По кусочкам бесформенных правил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.